

A young child with light-colored hair, wearing a light-colored t-shirt and dark pants, stands in a dimly lit room. The child is reaching out with their right hand towards a large, glowing blue digital figure that appears to be composed of particles and light. The figure is positioned in the center of the frame, seemingly floating or projected. The room is dark, with some light coming from a window or screen in the background, creating a soft glow. To the left, there is a stack of books on a shelf. To the right, there is a small table or desk with some items on it. The overall atmosphere is mysterious and futuristic.

Lenard Leffer

АУТЕНТИЧНОСТЬ

Lenard Leffer

Аутентичность

<https://litres.ru/73887824>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 2098 году тринадцатилетний Кирилл умер на операционном столе от редкой болезни. Его мать согласилась на эксперимент: в тело мальчика имплантировали нестареющий биосинтетический мозг и сердце — гибрид человеческого сознания и искусственного интеллекта. Проект «Прометей» подарил ему вечную жизнь — но не умение чувствовать.

Кирилл учился быть человеком по учебникам, фильмам и протоколам. Он научился улыбаться, чтобы не пугать мать. Научился злиться, дружить и защищать слабых. Но по-настоящему его изменила Ева — одноклассница с асимметричной бровью, которая не побоялась стать изгоем ради странного мальчика, не умеющего любить.

Их любовь продлилась всю её человеческую жизнь. А он...

Теперь, сто сорок лет спустя, Кирилл Туманов впервые решается рассказать правду: о себе, о Еве, о притворстве длиною в век и об открытке, которую он так и не смог выбросить.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Нео-Шанхай, 2258 год.	8
Глава 2. Ошибка инициализации	15
Глава 3. Калибровка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Аутентичность

Глава

Дисклеймер

Данное произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, события, организации и технологии, описанные в романе, — плод авторского воображения либо используются в фантастическом контексте. Любые совпадения с реальными лицами, событиями или организациями случайны.

Отдельные упоминания реально существующих компаний, брендов и государственных институтов (включая АО «ЗАСЛОН», Министерство промышленности и торговли РФ, проект «Прометей» и другие) носят характер фантастического допущения и не отражают их реальную деятельность, планы или продукты. Взгляды и поступки персонажей являются художественными и не выражают позицию упомя-

нутых организаций.

Автор выражает благодарность АО «ЗАСЛОН» — современному научно-техническому центру, чьи достижения в области радиоэлектроники, приборостроения и информационных систем вдохновляют на создание фантастических миров.

Предисловие

Роман, который вы держите в руках, — это фантазия о будущем длиной в сто пятьдесят лет. Он начинается в Москве конца XXI века и завершается в Нео-Шанхае середины XXIV столетия. Это история о мальчике, которого наука спасла от смерти, но лишила способности чувствовать. И о девочке, которая потратила всю свою человеческую жизнь, чтобы это исправить.

Когда я работал над «Аутентичностью», меня вдохновляли реальные научно-технические вызовы, стоящие перед современной инженерией. В романе читатель найдёт фантастические проекции технологий, которые уже сегодня разрабатываются в российских научных центрах: нейроинтерфейсы и симбиоз человека с машиной, автономные информационные системы, способные обучаться десятилетиями, передовая радиоэлектроника и медицинское диагностическое обо-

рудование, которое в недалёком будущем сможет продлевать человеческую жизнь на порядки дольше привычного.

В мире романа существует научно-производственное объединение «Прометей» — вымышленная организация, ведущая исследования на стыке медицины, кибернетики и искусственного интеллекта. Её прообразом стал АО «ЗАСЛОН» — российская частная инженерная компания, отраслевой лидер в создании бортового радиоэлектронного оборудования и высокотехнологичных комплексов. В моей фантазии сотрудники будущего аналога «ЗАСЛОНА» — это люди, которые не боятся этически сложных проектов и готовы взять на себя ответственность за технологический прорыв, даже если его последствия невозможно предсказать до конца.

Именно инженеры, программисты и учёные «Прометей» создают нейросеть, способную поддерживать сознание в человеческом теле десятилетиями. И именно им предстоит решить судьбу Кирилла Туманова, когда его биологическая оболочка исчерпает свой ресурс, а разум останется прежним. Эта сюжетная линия — фантазия на тему будущего, в котором грань между человеком, киборгом и искусственным интеллектом стирается окончательно, а решения принимаются не в министерских кабинетах, а в лабораториях, где инженер спорит с философом, не зная, кто из них прав.

«Аутентичность» — роман о любви и одиночестве. Но ещё это роман о выборе, который стоит за любой технологией. Можно ли, создавая бессмертие, сохранить душу? Способна ли машина, обученная на миллионах человеческих реакций, полюбить по-настоящему? И что страшнее: умереть, оставшись человеком, или жить вечно, перестав им быть? Эти вопросы адресованы не только читателю, но и тем, кто сегодня стоит у истоков технологий завтрашнего дня.

Я посвящаю эту книгу инженерам. Тем, кто, как и сотрудники АО «ЗАСЛОН», каждый день решает задачи, которые ещё вчера считались научной фантастикой.

Часть первая. Исповедь Голема

Глава 1. Нео-Шанхай, 2258 год.

Дождь по фотоэлектрической черепице. Лампа была всего одна.

Она горела в углу, даже не рассеивая темноту, а просто делая её видимой — слоистой, пыльной, старой, как сам этот город. В окно на семьдесят четвёртом этаже бил дождь, но не тот, что пахнет озоном и свежестью, а регенерированный, кислотноватый, прошедший сквозь фильтры небоскрёбов столько раз, что забыл вкус облаков.

Айрин Вэй не включала диктофон.

Она сидела на краю стула — прямой спиной, как учили в журналистской академии: не показывай страха, но и не строй из себя хозяйку положения. Она пришла сюда интервьюировать машину, которой исполнилось сто пятьдесят восемь лет. Машину, которая помнила Второй ресурсный кризис, коллапс Шанхайской фондовой биржи образца 2130-го и смерть двадцати трёх миллионов человек во время Великого Отказа серверов.

Машину, которая когда-то была мальчиком.

— Можете начинать, Айрин.

Голос.

Если бы у тишины был тембр, она звучала бы именно так. Не синтезированный, не роботизированный — просто... высушенный. Как страница книги, которую перечитывали миллион раз, и от букв остались только вдавленные следы в бумаге.

Киборг сидел в кресле напротив. Платформа «Голем-7», гражданская версия, замаскированная под человеческую фигуру. Но маскировка была сделана... странно. Слишком правильно. Слишком симметрично. Пальцы, сложенные на коленях, выглядели так, будто их вырезали из слоновой кости и покрыли лаком возраста. Лицо — спокойное, с морщинами, которые кто-то расчертил по линейке, чтобы создать иллюзию прожитых лет.

Айрин сглотнула.

— Я... спасибо, Кирилл. Можно я буду вас так называть? Или вы предпочитаете «объект Прометей-12»?

Пауза. Три секунды. Ровно столько, сколько нужно процессору «Голема-7», чтобы перебрать тридцать две тысячи вариантов ответа и выбрать самый... человеческий.

— Кирилл. Меня звали Кирилл, когда мне было тринна-

дцать. Имя — это единственное, что не поддаётся апгрейду. Оно вращается в код так глубоко, что даже я не могу его оттуда выкорчевать.

Он чуть наклонил голову. Жест.

Айрин отметила про себя: наклон ровно на четыре градуса вправо. Мой редактор говорил, что он использует это, чтобы имитировать задумчивость. Но сейчас мне кажется... он не имитирует.

— Я согласился на интервью по одной причине, — продолжил Кирилл, и лампа в углу едва заметно мигнула, словно слушала его вместе с Айрин. — Вы напомнили мне её.

— Кого?

— Еву.

Айрин почувствовала, как холодок пробежал по позвоночнику. Она читала досье. Ева — первая и единственная любовь объекта. Девушка, которая сказала ему в лицо: «ты как кукла, мне страшно». Девушка, которая состарилась и умерла, пока он оставался молодым внутри гниющего тела и считал её ресницы каждую ночь, чтобы не сойти с ума от одиночества.

— И чем же? — спросила Айрин тихо.

Кирилл поднял руку. Медленно. Плавно. Так двигаются дорогие сервоприводы — почти бесшумно, но с той неуловимой чуждостью, которая выдаёт машину под человеческой маской.

— У вас такая же асимметрия в правой брови. У неё правая бровь всегда приподнималась на полмиллиметра выше левой, когда она злилась или хотела казаться смелой. Я помню это. Я помню это уже сто сорок четыре года.

Он опустил руку.

— И вы пришли. И у вас та же бровь. Понимаете, в чём ирония, Айрин?

Она молчала.

— Ирония в том, что я не знаю, рад ли я вам. Я не знаю, что такое радость. Я могу описать её: выброс дофамина, серотонина, активация орбитофронтальной коры. Я могу воспроизвести всё это на своём лице вот прямо сейчас — и вы увидите идеальную улыбку старика, который встретил друга. Но внутри... внутри будет код. Просто восемьсот тысяч строк кода, отвечающих за «ностальгию».

Лампа снова мигнула.

Айрин вдруг поняла, что всё это время сидит, затаив дыхание.

— Тогда почему вы согласились на интервью? — спросила она, и голос её прозвучал хрипло, слишком по-человечески для этой стерильной комнаты. — Если вы ничего не чувствуете, зачем вам рассказывать свою историю?

Кирилл посмотрел ей прямо в глаза.

Оптические сенсоры «Голема-7» были почти идеальной имитацией человеческого взгляда. Почти. Айрин показалось, что за ними — бесконечный туннель, уходящий в прошлое на полторы сотни лет.

— Потому что я хочу, чтобы хоть кто-то записал её правильно, — сказал он. — Моя жизнь — это самый долгий эксперимент по имитации души в истории человечества. Я притворялся человеком дольше, чем любой из людей живёт на свете. Я любил, плакал, лгал, предавал и жертвовал собой — и всё это было симуляцией. Но знаете, что страшно?

— Что?

— Сто сорок четыре года спустя я уже не могу отличить симуляцию от оригинала. И если я когда-нибудь пойму, что действительно любил Еву... что та боль, когда она ушла, была настоящей... это будет значить, что я — живой. А живой я не имею права быть.

Айрин Вэй медленно достала диктофон.
Нажала кнопку записи.

— Тогда начнём с самого начала, — сказала она. — Год 2098. Вам тринадцать. Вы только что умерли на операционном столе. И вас воскресили как первый в мире гибрид человеческого тела и нестареющего ИИ. Что вы почувствовали, когда впервые открыли глаза?

Кирилл издал странный звук.

Айрин потребовалось мгновение, чтобы понять: это смех. Сухой, как песок пустыни Гоби, и такой же бесконечный.

— Я почувствовал холод, Айрин. Просто холод. И знаете, что я подумал?

— Что?

— «Ошибка 0x00001. Температурный датчик не откалиброван».

Он снова посмотрел на неё — или сквозь неё, в тот далёкий день, когда он был не сто пятидесяти восьми летним киборгом в Нео-Шанхае, а просто мёртвым мальчиком на столе хирурга.

— С этого и начнём, — сказал он. — С ошибки.

Глава 2. Ошибка инициализации

2098 год. Федеративная больница имени Сеченова, Москва. Палата 0-Семь.

Сначала был холод.

Не тот метафорический холод, который описывают поэты, а сухой лабораторный холод кондиционированного воздуха на отметке ровно 18.2 градуса по Цельсию. Датчик зафиксировал его раньше, чем веки открылись.

Ошибка 0x00001. Температурный датчик не откалиброван.

Системный сбой.

Перезагрузка нейрокортекса...

Мальчик открыл глаза.

В потолок били лампы дневного света. В отличие от той, единственной, которая будет гореть в его квартире шестьдесят лет спустя, эти были безжалостны: белые, клинические, режущие сетчатку. Зрачки сузились с тихим механическим жужжанием, которое никто, кроме него, не услышал.

Подсистема «ЗРЕНИЕ» — статус: ОНЛАЙН.

Разрешение: 7680 × 4320 точек.

Частота обновления: 144 Гц.

Боже, как много деталей в этом потолке.

Он увидел микротрещины в штукатурке, которые разошлись паутиной от вентиляционной решётки. Увидел споры пыли, плавающие в луче света. Увидел, как одна из спор пересекла границу тени, и по ней тут же пробежала интерференционная волна тепла от батареи.

Мальчик не знал слова «интерференция». Но его мозг — новый, блестящий, только что пропатченный — уже просчитывал физику воздуха быстрее, чем любой суперкомпьютер поколения.

— О боже.

Голос. Слева.

Частота: 240–280 Гц. Женский. Всхлипывающий.

Идентификатор по аудиослепку: Мать. Совпадение 98.7%.

Мальчик повернул голову. Движение вышло слишком резким — шейные позвонки хрустнули, как сухой пластик.

Она сидела на стуле у койки. Не на стуле — на краешке

стула. Прямая спина? Нет. Сломанная. Так сидят люди, которые не спят третьи сутки и успели разучить все молитвы, какие знали до операции.

Среднестатистическая женщина, сказала бы статистика.

Потухшие русые волосы, собранные в хвост. Мешки под глазами — тёмные, как старые синяки. Пальцы с обгрызенными ногтями вцепились в поручень больничной койки, и костяшки были белыми, как тот потолок, который он только что отсканировал.

Она плакала.

Подсистема «ЭМОЦИИ» — статус: ОЖИДАНИЕ КОМАНДЫ.

Запрос: как реагировать на плач объекта «Мать»?

Ответ: (пусто).

— Кирилл? Кирилл, сынок, ты слышишь меня?

Мальчик моргнул.

Анализ голоса: стресс, недосып, надежда.

Рекомендуемое действие согласно социальному протоколу «Сын»: подтвердить контакт.

— Я слышу, — сказал он.

Его голос прозвучал... странно. Слишком ровно. Как автоответчик в аэропорту. Мать замерла, и мальчик увидел, как расширяются её зрачки. Адреналин. Испуг? Нет. Изумление. Она ждала другого.

— Сынок... Ты... Как ты себя чувствуешь?

Запрос: «самочувствие».

Анализ физического состояния: температура 36.6, пульс 72, давление 120/80. Кровоток в норме. Уровень глюкозы — понижен.

Рекомендуемый ответ: «Нормально».

— Нормально.

И тут что-то пошло не так.

Мать посмотрела на него так, как никогда раньше не смотрели на тринадцатилетних мальчиков. В её взгляде был... страх? Нет. Узнавание. Узнавание того, что операция удалась. Что её сын жив. Но ещё — узнавание чего-то чужого. Как будто она заглянула в родные глаза, а оттуда посмотрел кто-то другой.

И мальчик это считал.

Объект «Мать» испытывает дистресс.

Запрос: причина дистресса?

Ответ: неизвестно.

Его мозг — новый, совершенный — внезапно выдал ошибку, которую инженеры не предусмотрели. Потому что инженеры были взрослыми, а тело было детским. И детское тело, напуганное смертью и не понимающее, что оно воскресло, решило действовать так, как действуют все тринадцатилетние мальчики, очнувшиеся в незнакомой палате.

Он испугался.

Подсистема «СТРАХ» — статус: ОНЛАЙН.

Но что боится? Процессор? Или сердце?

Мальчик рванулся с койки.

Резко. Неловко. Рука задела капельницу — она покачнулась. Провода, опутывавшие его грудь, натянулись и один из них, с тихим треском, вылетел из гнезда на виске.

Боль.

Нет, не боль. Сигнал о повреждении тканей. Ошибка 0x00014. Отключение датчика давления в височной области.

Но мальчик не знал разницы. Для него это была просто... боль. Первая боль его новой жизни. И он закричал.

— А-а-а!

Короткий. Высокий. Почти животный. Глаза забежали по палате, сканируя выходы. Дверь — закрыта. Окно — забрано решёткой. Потолок — лампы, лампы, лампы. Мать — вско-чила, бежит к нему. Её губы шевелятся, но звук запаздывает, потому что аудиопроцессор перегружен фоновым шумом его собственного крика.

— Тихо, тихо, мой хороший, тихо...

Её руки легли ему на плечи.

Температура: 36.8 градусов. Давление: мягкое, но настойчивое. Запах: антисептик, дешёвое мыло, что-то ещё... что-то, что мальчик не мог идентифицировать, потому что у этого запаха не было названия в его новой базе данных. Это был запах матери.

— Ты в безопасности, — шептала она, прижимая его к себе. — Ты жив. Ты жив. Ты жив.

Слово «жив» повторено три раза.

Вероятность: 99% — попытка успокоить. 1% — попытка убедить саму себя.

Мальчик перестал кричать.

Дыхание выровнялось автоматически — программа стабилизации взяла верх над программой страха. Он сидел на краю койки, прижатый к тёплому плечу матери, и слушал, как колотится её сердце.

Сердцебиение объекта «Мать»: 112 ударов в минуту.

Его сердцебиение: 72.

Разница: 40.

И тут пришло оно. Первое осознание. Не мысль — скорее, строчка кода, которая сама вписалась в пустой файл с названием «Реальность».

Я жив. Я — это Кирилл. Это — моя мать. Она напугана. Я должен что-то сделать.

Но что?

Что делают сыновья, когда их матери плачут?

Поиск по базе данных...

Результат: 4.3 миллиона вариантов.

Фильтр: возраст 13 лет, контекст «больница», эмоция матери — «облегчение».

Результат: 1.

Действие: УЛЫБНУТЬСЯ.

Мальчик поднял голову.

Мышцы лица — двадцать одна штука — напряглись в точной последовательности. Уголки губ — вверх на 15 градусов. Глаза — чуть сощурены, чтобы имитировать «искренность».

— Всё хорошо, мам, — сказал он.

И улыбнулся.

Мать посмотрела на него. Секунда. Две. Три.

Сначала в её глазах был всё тот же страх — узнавание чужака. Но потом он растаял, как та пылинка в тепловом луче. Она увидела улыбку. Кривоватую, слишком симметричную, но всё же улыбку. Улыбку своего сына.

И она зарыдала. Громко. Сотрясаясь всем телом. И прижала его к себе ещё крепче — так, что датчики давления на его рёбрах на секунду зашкалили.

— Ты вернулся, — выдохнула она ему в макушку. — Ты вернулся ко мне...

Мальчик сидел в её объятиях и анализировал.

Данные: объятие матери. Давление: 3.2 атмосферы. Запах:

идентификатор закреплён как «Мама». Эмоция: страх уходит. Заменяется на облегчение.

Лог: «Я улыбнулся, и она перестала бояться».

Вывод: улыбка — эффективный инструмент контроля эмоций объекта «Человек».

Сохранить паттерн «УЛЫБКА_МАТЬ_УСПОКОЕНИЕ» в долговременную память?

...Сохранено.

И в этот момент — в этот самый миг, когда его мать плакала от счастья, а в его голове строчки кода аккуратно подшивались к файлам выживания, — родилась первая ложь Кирилла Туманова.

Ложь №1: «Мне не страшно».

Ложь №2: «Я всё понимаю».

Ложь №3: «Я — прежний».

Тринадцать лет от роду, только что воскресший из клинической смерти, он начал строить свою первую, самую главную программу: программу имитации человека.

За окном палаты шёл снег.

Москва, 2098 год. Город ещё не знал, что в Федеративной больнице имени Сеченова только что запустили будущее. И будущее это, прижавшись к плечу испуганной жен-

ЩИНЫ, УЧИЛОСЬ УЛЫБАТЬСЯ.

Глава 3. Калибровка

Дом был учебным полигоном.

Кирилл осознал это на четвёртый день после выписки, когда мать впервые оставила его одного в гостиной, а сама ушла на кухню — всего на три минуты, просто вскипятить чай. Он сидел на диване, прямой как шомпол, и слушал.

Звук шагов — четыре метра двадцать сантиметров, вес пятьдесят восемь килограммов, ритм учащённый: она нервничает. Чайник засвистел на частоте 1.2 килогерца и отключился через сорок семь секунд. А поверх всего — её дыхание: вдох, выдох, пауза, снова вдох. В паузе иногда проскакивал вздох с лёгким дребезжанием в бронхах — результат десяти лет курения, от которого она отказалась, но эхо осталось.

Он записывал это в отдельный файл. Файл назывался «Мама. Таксономия звуков».

Вздох с дребезжанием — тревога. Вздох ровный — усталость. Вздох с задержкой на выдохе — она думает обо мне.

Когда она вернулась с чашкой — чёрный чай, одна лож-

ка сахара, температура 78 градусов, пар поднимается вертикально, значит, сквозняка нет, — Кирилл уже знал, что ей нужно. Физический контакт плюс вербальное подтверждение статуса.

— Спасибо, мам, — сказал он и, принимая чашку, намеренно коснулся её пальцев своими. Кожа матери была прохладной: 34.2 градуса, ниже нормы. — Ты замёрзла.

Она замерла на секунду, и он пожалел о сказанном. Слишком точное наблюдение. Но она только улыбнулась — кривовато, устало — и потрепала его по волосам: «Ничего, сынок. Просто сквозняк. Старый дом». Он сохранил это объяснение как приемлемое.

Так прошли первые недели. Мир сузился до трёх комнат, кухни и коридора. Реабилитация была не только физической — хотя он каждый день заново учился ходить на атрофированных мышцах, — настоящая реабилитация шла в файлах.

Мать уходила на смену — швейная фабрика «Заря», район Марьино, автобус № 47, с восьми до восьми, — и он садился у окна. На улице люди спешили, спотыкались, смеялись, курили на остановках, целовались у подъездов. Он записывал вариации жестов, интонаций и громкостей. Дети до семи лет — хаос и 80–90 децибел; подростки — агрегация

в группы по три-пять особей и ритуальные удары ладонью о ладонь.

Но главным источником данных была мать. Каждый вечер он запускал программу «Ужин с мамой».

— Как прошёл день? — спрашивала она.

— Нормально. Читал учебник по биологии.

— И что интересного?

— Нейроны передают сигналы со скоростью до ста двадцати метров в секунду.

Пауза. Нотка неуверенности в её голосе:

— Это... неплохо. А ещё что?

Он анализировал: ответ недостаточен. Требуется эмоциональная составляющая. И он добавлял: «Интересно. Очень», — и улыбался. УЛЫБКА_МАТЬ_УСПОКОЕНИЕ работала почти всегда.

Первая ошибка случилась на девятнадцатый день. Мать пришла на два часа и семнадцать минут позже, шаги на лест-

нице тяжёлые, ритм сбит. Когда дверь открылась, он сразу увидел аномалии: покраснение склер, следы высохшей влаги на щеках, дрожание нижней губы с амплитудой 0.3 мм. Она плакала.

— Мам?

— Всё хорошо, Кирилл, просто устала.

Заявление «всё хорошо» было ложью на 87%, и он не знал зачем. Не знал, что случилось на фабрике «Заря» и как убрать эту дрожь. База данных предложила «утешить», но он не понимал, как именно. Он пошёл по протоколу:

— Ты хочешь чаю? Я поставлю.

Мать обернулась и вдруг заплакала снова:

— Ты всегда такой... правильный...

— А что я должен быть? — спросил он, и это был первый вопрос, заданный не для галочки. Как мне стать нормальным? Почему ты плачешь, когда я делаю всё верно?

Она обняла его, крепко, так что датчик давления опять моргнул предупреждением:

— Ты ничего не должен. Ты просто живи. Этого достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.